

УДК 82-311.6

*Д.В. Поль, Е.А. Самарова***ПРОЗА Д.М. БАЛАШОВА И И.М. ЕФИМОВА В ФОРМИРОВАНИИ «НОВГОРОДСКОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Существует устойчивая взаимозависимость между художественным словом и местом его написания или той территорией, которую текст прославляет. «Genius loci» (гений места) – именно так определяли это древние. Данное явление носит универсальный характер, наиболее отчётливо проявляясь в развитых культурах. В начале XXI столетия наряду с лондонским, парижским, римским, венским, берлинским, мадридским и прочими «текстами» можно с полным правом говорить о московском, петербургском, усадебном, новгородском, соловецком и многих других «текстах» русской литературы. В создание «новгородского текста» значительный вклад внесла историческая романистика, в том числе проза Д. М. Балашова и И. М. Ефимова, которая, несмотря на множество идейных и эстетических отличий между авторами, во многом и оформила «пространство» новгородского текста в русской литературе последней трети XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Д.М. Балашов, И.М. Ефимов, новгородская тема, историческая проза, «новгородский текст».

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1044-1051

Интуитивно ощущаемая ещё в глубокой древности неразрывная связь между художественным словом и территорией («Genius loci» – гений места) способствовала складыванию множества весьма отличных друг от друга «культурных текстов», обозначаемых по названию города, острова, отдельного региона, а иногда и целой страны. Данное явление – одно из свойств «развитой культуры», с давней, вполне устоявшейся традицией, со множеством артефактов, ей соответствующих или сопутствующих. Римский, парижский, лондонский, берлинский, прованский и многие другие «тексты» имеют и своих русских «собратьев» – московский и петербургский «тексты», к которым с полным правом можно добавить ещё усадебный (мир дворянского дома, достаточно подробно изученный в литературоведении), соловецкий [15] и новгородский. Очевидно, этот список следует продолжить, прежде всего за счёт регионов (сибирский, поволжский (волжский), донской и т. д.) и больших городов с давней историей (нижегородский, казанский и т. д.).

В отличие от множества других региональных «текстов» новгородский не просто один из вариантов «местного» прочтения образа России и всей русской истории, но и ярчайший пример художественной реализации возможной альтернативы развития государства и общества, воплощение идеи, в силу различных причин не получившей общерусского развития. При всей своей незаявленности в официальной культуре «новгородский текст» мало уступает «столичным» по значимости и содержательной ценности. У него также есть свои пространственные координаты и ценностные доминанты. Если «Медный Всадник – это genius loci Петербурга» [2. С. 22], то для Новгорода – это София и вечевой колокол, пусть навеки увезённый из города, но сохранённый как образ и зримое обозначение новгородского вече. И если «Петербург хранит на себе печать сознательной творческой воли, которая стремилась овладеть стихийным ростом города, как только будет обеспечено его будущее» [1. С. 23], то Новгород выступал и всё ещё выступает наглядным свидетельством, а по сути и памятником саморазвития народа. На персонифицированном уровне петербургский «текст» закономерно связан с Петром Великим, а новгородский – с Марфой Борецкой, оставшейся в памяти культуры как Марфа-посадница.

Новгород, во всём единстве образующих его как явление, как культурный текст, памятников и артефактов, всегда воспринимался как нечто особое в русской истории. На протяжении столетий в зависимости от симпатий и политических пристрастий менялись оценки и восприятие Новгорода: или как наиболее последовательное воплощение демократической идеи в России, или как ярчайший пример всевластия олигархии, или как главная помеха для создания централизованного государства в Северо-Восточной Руси, или как важнейшая структурообразующая часть древнерусского мира – постоянный оппонент столицы, в силу этого противостояния обеспечивающий равновесие всей политической системы. И если летописи и хроники XI–XV вв. просто фиксировали в виде множества особенностей исключительное положение Новгорода в русских землях, то начиная с XVIII в. и по настоящее время в исторической, да и во всей гуманитарной науке идёт спор вокруг роли вечевой рес-

публики в отечественной и мировой истории. Не остались в стороне от этой полемики и писатели, точно так же, но в художественной форме, представившие весь разброс мнений по этому вопросу.

Во второй половине XX столетия на фоне, а в каком-то смысле и в результате грандиозных социально-экономических преобразований и потрясений, развития альтернативной истории как направления исторической рефлексии широко распространяются попытки осмысления Великого Новгорода как альтернативы самодержавному («московскому») пути развития. Соответственно, писатели, руководствуясь как уровнем развития исторической науки, так и личностными художественными предпочтениями и авторской интуицией, стремились «восполнить» то, по их мнению, упущенное, что было связано с прошлым северной республики.

В исторической прозе Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000), приверженца русской реалистической традиции, и Игоря Марковича Ефимова (род. 1937), в гораздо большей степени склонного к использованию новаций, характерных для постмодерна, достаточно явно представлены основные константы «новгородского текста» – Марфа Борецкая, вече и вечевой колокол, еретики-вольнодумцы, развитая новгородская книжная и учебная традиция. Несомненный интерес к новгородской теме, попытки её философского и культурологического осмысления при очевидном несходстве мировоззренческих и художественных установок авторов в обращении к одному и тому же событию – присоединение Новгорода к Москве – всё это побуждает рассмотреть романы «Марфа-посадница» Д.М. Балашова и «Новгородский толмач» И.М. Ефимова с точки зрения формирования «новгородского текста» русской культуры. При необходимости анализ может быть дополнен за счёт обращения к ранней повести Балашова «Господин Великий Новгород» и к романам из цикла «Государя Московские» (впрочем, небесспорно и мнение об эпопейном характере данного произведения), а также к философским и публицистическим сочинениям Ефимова.

Первое обращение Балашова к прошлому Господина Великого Новгорода было связано со сферой его научных интересов – кандидатская диссертация писателя была посвящена русскому фольклору (народной балладе), а сам «материал» для исследования был собран на Русском Севере, на протяжении столетий принадлежавшем вечевой республике. В повести «Господин Великий Новгород» (1967) повествование стилизовано под древнерусскую балладу в прочтении и научном изложении Балашова, что обеспечило ей новизну, выделив на общем фоне исторической беллетристики 60-х гг. В романе «Марфа-Посадница» писатель предпочёл последовательно хроникальное изложение событий, традиционное для исторической прозы 70-х гг. Действие, разворачивающееся в течение 7 лет, в основном протекает во владениях Господина Великого Новгорода, лишь иногда перемещаясь в пределы Московского княжества. По жанру произведение можно отнести к роману-хронике, который станет ведущим в последующем творчестве писателя. Новаторство Балашова проявляется в ином – он выстраивает свой текст как художественное опровержение официальной точки зрения на присоединение Новгорода, сложившейся ещё в XVIII–XIX вв. и закреплённой в литературе благодаря «Марфе-посаднице» Н.М. Карамзина.

В «Господине Великом Новгороде» и в ещё большей степени в «Марфе-посаднице» Балашов отошёл от господствовавших на тот момент приоритетов в романистике, акцентировав внимание на внутренней жизни северной республики, практически проигнорировав господствовавшее в 60–70-е гг. в науке и в литературе рассмотрение прошлого Новгорода в контексте общероссийской истории. Внешней событийности, и это несмотря на то, что в повести изображается Раковорская битва – последнее крупное столкновение Новгорода и Тевтонского ордена, а в романе – Шелонское сражение, решившее судьбу Новгорода в противостоянии с Москвой, автор предпочитает погружение во внутреннюю жизнь Новгородской республики, в особенности её уклада, проникновение в то, что, собственно, и составляет важнейшие атрибуты культурного текста. Прежде всего писателя интересует внутренняя независимость новгородцев, их напряжённая духовная жизнь.

Использование писателем множества известных артефактов (иконопись, берестяные грамоты) для характеристики большинства героев «Господина Великого Новгорода» и «Марфы-посадницы» создаёт у читателя ощущение, что напряжённая духовная и интеллектуальная жизнь – норма для Новгородской республики. Система аллюзий: с современностью, со сложившимися штампами в отношении как к собственно новгородской истории, так и к общероссийской, придаёт событиям, происходящим в «Марфе-посаднице», вневременное значение. Так, казнь новгородских бояр Балашов вводит тему террора, жестокого и беспощадного ко всем без исключения и, очевидно, включающего в себя и трагический опыт XX столетия.

В рассмотрении московско-новгородского противостояния Балашов последовательно остаётся на стороне нравственного отношения к истории. В «Господине Великом Новгороде» вопрос о цели и способах её достижения является центральным в диалоге главного героя новгородского купца Олексы Творимирыча и тысяцкого Родиона Клуковича. Если новгородец Олекса не приемлет диктата и аморализма властей – он хочет по совести и по убеждению, то боярин, представляющий княжескую власть, считает допустимыми любые способы для победы над своими противниками. В этом споре автор на стороне новгородского купца. В «Марфе-посаднице» аморализм является нормой для Ивана III и его окружения: допустимы любые средства для достижения поставленной цели. Благостный вид и полное душевное спокойствие отравителя Шемяки, государева дьяка Степана Брадатого контрастно выделяются на фоне его «подельщика», новгородского повара, непосредственно участвовавшего в отравлении Шемяки, от мук совести ушедшего в монастырь.

Противопоставление новгородцев и москвичей («низовских», жителей Владимиро-Суздальской, а затем Московской Руси, подвластных Великому князю) распространяется и на святых. При чтении жития Михаила Клопского, «московского чудотворца», Зосима (будущий Зосима Соловецкий) «морщится», жмёт плечами, его ужасает мысль о возможном причастии «блаженного» к отравлению Шемяки. «Смутное чувство оставило в нём чтение этого жития, да и сам малоприятный облик святого» [3. С. 213]. Противоположны и устремления новгородских и московских чиновных людей: угодливая готовность Степана Брадатого подстраиваться под Великого князя и твёрдость в отстаивании своей позиции новгородского чиновника, подвойского Назария. Новгородцы не приемлют «победу любой ценой», что особенно заметно в поведении Ивана III, без колебаний обрекающего русский город на голод, и Марфы Борецкой, бескорыстно отдающей всё родному городу и отказывающейся от сопротивления перед лицом смерти невинного ребёнка – единственной дочери обычного ремесленника.

Одной из особенностей романа «Марфа-посадница» стало обилие споров между героями, которые не просто представляют то или иное сословие, или страну, но и целые культурно-исторические регионы. Неслучайно в романе вся историософская проблематика связана с центральным героем произведения – самым ярким представителем новгородского общества – Марфой Исааковной Борецкой. В доме Борецких встречаются представители различных слоёв новгородского общества, с Марфой как главным центром и символом новгородского сопротивления связаны споры героев о вере, о долге, о семье, о государстве. Через Борецкую даётся панорама новгородской жизни, раскрывается отношение к иконам, к религии.

С описания богатого, переполненного людьми дома Марфы Борецкой начинается роман. Пустынной и безжизненной предстанет усадьба Борецких в конце романа. Разрушение дома Борецких – крушение Новгорода. «Спокон веку велось: гость приходит в дом, хозяин чествует его, и сам величаться. Чем более гостю честь, тем выше почёт и хозяину-хлебосолу. И вот появляется гость, при котором уже хозяин не хозяин. <...> Но и гость ведь всё равно не хозяин! Он уйдёт, разрушив дом, развеяв по ветру ощущение вековой прочности, оставив угли, тлеющие головешки на месте хором. Разорённый дом, разорённый Новгород!» [3. С. 518].

Образная структура романа сгруппирована вокруг Марфы Борецкой и её антагониста – Ивана III. Только Марфа Борецкая способна выдержать взгляд московского князя. «В толпе – уже привычно для Ивана – все отпускали глаза под его взором. И тут он увидел одну пару неопущенных глаз. Сверкнул глазами. Ещё не зная, почувствовал – она! <...> Иван первый отвёл глаза» [3. С. 516]. Трагическое одиночество Ивана Великого и Марфы Борецкой – результат воплощения ими сверхидей – самовластия и народоправства, физической силы и духовной стойкости.

Писатель неоднократно подчёркивает одиночество Марфы Борецкой в романе. То, что вся она в величии прошлого, той, домонгольской, незапятнанной, непорочной, во многом мифологической Руси великолепно показано писателем в сцене её проводов новгородских воинов на битву. Балашов уподобляет Марфу-посадницу легендарной Ярославне. «Она стояла, скрестив на груди руки, забыв про холод и время, древнею Ярославной на стене Путивля, и всё смотрела, смотрела. Лодки уходили в вечность, и ветер, покорный её воле, послушно раздувал паруса» [3. С. 369].

Падение Новгорода, по мнению Балашова, становится результатом многих причин, в том числе и духовного оскудения новгородцев. Это не только усилившиеся социальное неравенство, но и изменившиеся, особенно заметное по контрасту с повестью «Господин Великий Новгород», понимание икон. В «Господине Великом Новгороде» почти ничего не говорится об окладах икон, внимание ав-

тора и персонажей обращено на лики святых, прежде всего на Николая (Николу)-угоднику и Параскевы-пятницы, ассоциируемых у них с Новгородом и с близкими людьми.

Примечательно, что никто из новгородцев в повести не говорит о «вещности» икон, не обращает внимания на оклады. Взор прикован к лицам святых. Диаметрально противоположная картина в «Марфе-посаднице»: богатейшие оклады затмевают сами образы, в разговорах еретики («стригольники») ставят под сомнение иконы, которые начинают восприниматься как «идол» («вещь»). Пышность богослужения во время выноса чудотворной иконы «Знамения Богородицы», иконы, богатые наряды великих бояр и боярынь контрастируют с нищетой большинства новгородцев, не готовых отдать жизнь за «Святую Софию», как в повести «Господин Великий Новгород». Единственный раз образ святого крупным планом появится в конце романа, где «Суровый» Спас отождествляется для Марфы Борецкой с Новгородом. В способности «зреть», «видеть», «чувствовать» икону она, единственная из героев романа, оказывается в одном ряду с новгородцами XIII в., описанными в романе «Господин Великий Новгород». У Борецкой, в отличие от большинства её соотечественников, есть та же воля к победе и готовность отдать всё самое дорогое ради Родины, что и у новгородцев, героев повести. А значит, отношение к иконам, их восприятие, является индикатором нравственного здоровья изображаемого общества, а отчасти и средством характеристики персонажа.

Балашовское видение новгородской истории основывалось не только на фольклорных, но и на собственно исторических источниках, прежде всего на работах Р.Г. Скрынникова, в которых последовательно и доказательно проводится мысль о катастрофических последствиях завоевания Новгорода Москвой [12; 13]. Ещё в кандидатской диссертации Скрынникова, а с ней Балашов был знаком, автором был сделан вывод о том, что присоединение Новгорода к Москве привело к разорению новгородского крестьянства и к его закрепощению [14]. Вывод, к которому пришёл Р.Г. Скрынников, а также и Д.М. Балашов, является в значительной степени вызовом традиционной российской историографии: «Гибель вечевого Новгородской республики явилась следствием не вырождения её политической культуры, а грубого насилия извне – московского завоевания» [13. С. 153].

В «Государях Московских» Балашов, став сторонником теории этногенеза Л.Н. Гумилёва, отказался от противопоставленности «моральных» новгородцев и «аморальных» низовских (москвичей), но так и не смог отказаться от своей влюблённости в «вечевую республику», внося значительный вклад в становление «новгородского текста» русской культуры.

Независимо от Балашова, но со сходным стремлением к историософскому осмыслению истории «вечевого республиканства» свою лепту в разработку «новгородского текста» внёс Игорь Маркович Ефимов. Теме Новгорода и Пскова посвящен роман писателя «Новгородский толмач» (2004). Кроме того, образы русских городских республик регулярно появляются в историософских публицистических произведениях писателя «Метаполитика» (1978) и «Стыдная тайна неравенства» (2006).

Обращение Ефимова к новгородской теме было обусловлено стремлением найти ответы на вопросы, поставленные писателем в его более ранних историософских публицистических произведениях: «Опять манила загадка – и не одна. Откуда брались богатства торгового города, не имевшего выхода к морю? Что давало ему силы отбивать нападения литовцев, поляков, ливонцев, немцев, шведов? Каким чудесным вдохновением были созданы псковские храмы, крепости, церкви, иконы?» [8. С. 302]. Для этого Ефимов обратился к трудам Н.С. Борисова, В.О. Ключевского, Е.А. Рыбиной, Р.Г. Скрынникова, В.Л. Янина и др., а также сам посетил Великий Новгород и Псков в 2001 г.

В произведениях Ефимова, который последовательно апеллирует к разным историческим периодам и событиям, таким как вторжение вестготов в Римскую империю в V в., Английская революция XVII в., Война за независимость Америки XVIII в., исторический процесс представлен как единое целое, система, в которой развитие осуществляется в соответствии с определенными закономерностями и правилами. Мировая история рассматривается писателем с онтологических позиций. Поэтому в отличие от Балашова, который посредством изображения исторической действительности обращается к народному менталитету и его своеобразию, Ефимову история Новгорода и Пскова интересна не сама по себе, а как элемент общемирового исторического процесса наравне с другими периодами и значимыми событиями.

Если в предыдущем романе писателя «Невеста императора» рассматривается проблема духовной свободы человека, то на примере истории Новгорода последней трети XV в. Ефимов разрабатывает вопрос о влиянии ее на исторический процесс. Историософская концепция писателя, в части основных своих постулатов повторяя теорию пассионарности Гумилева, в основе все же отличается от

нее, акцентируя внимание на личности, а не на этносе. Отсюда, из исключительной роли индивидуума в общемировой истории, и появляется авторское видение Новгорода и Пскова в романе «Новгородский толмач».

Трагическая судьба Новгорода и события, связанные с его падением в историсофской концепции Ефимова типизируются и относятся к одному виду исторических периодов, куда сам писатель включает также нашествие вестготов в Римскую империю, Английскую и Французскую революции и др. Все события объединяет их рубежность, переход от одного состояния общества в другое. Именно процесс этого перехода интересен Ефимову во всех исторических периодах, которые он рассматривает в своих произведениях.

Согласно историсофской концепции писателя смена состояний общества, которая ведет за собой и изменение типа государственного строя, осуществляется за счет переворота в сознании индивидуума, его отношения к собственным правам и свободе. Ефимов в своих произведениях продолжает идеи представителей классической немецкой философии, в частности А. Шопенгауэра, понимая под свободой прежде всего способность человека к выбору, а также обязанность нести ответственность за его последствия. Расцвет любого государства, по мнению писателя, характеризуется стремлением людей сохранить за собой право свободного выбора и отстаивать его, несмотря на то, что он несет в себе трудность ответственности. Именно таким – городом, где высоко ценится свобода и независимость отдельного человека – представляется Ефимову Новгородская и Псковская республики XIII–XV вв. Данные города в историсофском понимании писателя являют собой вариант демократического государства, в своем роде уникального для русских государственных образований. Этим и объясняет писатель силу Новгорода и Пскова: «Повторю лишь вкратце то, что кажется мне существенным: отличия Вольного Пскова от других русских княжеств и городов. Главное отличие: в Псковской земле среди крестьян нет холопов. Каждый крестьянин – свободный арендатор, он договаривается с владельцем земли об условиях аренды, оба ставят свои подписи под договором и могут предъявить этот документ на суде, если между ними возникнут споры. <...> Думаю, такая охрана прав земледельца и есть причина того, что в Пскове всегда зерно в изобилии, даже в те годы, когда в остальной Руси недород и голодающие стекаются в эти края просить Христа ради. Крестьянин готов работать не покладая рук, когда уверен, что никто не покусится на плоды трудов его» [7. С. 52].

Однако стремление жителей отстаивать свои права, по мнению Ефимова, является одновременно и слабостью общества, так как оно, пройдя таким образом период расцвета, неминуемо начнет клониться к закату, поскольку свободная торговля ведет к социальному неравенству, а вместе с ним и к зависти одних горожан к более удачливым соседям. Подобная история, согласно писателю, произошла и с Новгородом и Псковом, в которых жители, уже испытавшие на себе расслоение общества, не способные вследствие этого объединиться против врага и не желающие отстаивать свои права, вынуждены были покориться власти Московского княжества. Таким образом, в романе «Новгородский толмач», как и в «Марфе-посаднице» Балашова, сдача города объясняется, с одной стороны, усталостью населения от неравенства, а с другой – предательством части городского руководства, поставившего личные интересы выше общественных и тем самым проявившего себя недалекими и слабыми политиками. Подобное понимание истории Новгорода Ефимовым, который, как и Балашов, использует понятийные оппозиции, воплощается, например, в противопоставлении двух значимых персонажей романа – отца Дениса и архиепископа Геннадия. У Балашова подобную оппозиционную пару составляют Марфа Борецкая и Иван Третий со своими подручными.

В образе отца Дениса Ефимов создает характерного для его писательской системы персонажа-мыслителя, внутренне сходного с Пелагием Британцем, героем романа «Невеста императора». Отец Денис, как и Пелагий, оказывается транслятором авторских идей и философии в текст произведения. Он представляет собой героя, близкого в авторском понимании к христианскому идеалу всепрощения, непротравления и любви: «этот человек (отец Денис) смотрит на мир и на тебя из окошка. Смотрит с большим интересом, с участием, с желанием понять, помочь. Чуть ли не прижимается порой щекой к стеклу, чтобы разглядеть получше, заглянуть за край рамы. Но остается при этом всегда внутри дома. Внутри дома своей души. Немного даже стыдится того, что он всегда – в укрытии. Сочувствует тем, кто снаружи – под ветром, дождем, морозом, жарой. Не понимает часто, почему люди не прячутся под его крышу, в его душевный приют. Готов пустить всех. Но того, что гонит людей наружу – под бурю и стужу и огонь, – понять не может» [7. С. 48-49].

Несмотря на то, что функцию ретрансляции авторских идей в романе «Новгородский толмач» выполняют и два других персонажа – братья Федор и Иван Курицыны, именно отец Денис, обладающий внутренней свободой благодаря своей вере, проходит все этапы пути характерного для Ефимова персонажа-мыслителя, не отказывающегося от своих идеалов свободы и веры. Персонаж, прототипом которого стал реальный исторический деятель протопоп Дионис, за свою веру и убеждения оказывается обвиненным в ереси по доносу архиепископа Новгородского Геннадия и казнен.

Отцу Денису в романе противопоставляется архиепископ Геннадий, который воплощает идею несвободного начала, жестокой по отношению к человеку бюрократической системы. Отец Денис описывает его следующим образом: «Кто из нас сумеет провести границу и сказать: здесь кончается ревность христианского служения и начинается похоть господствования? Что сказать мне великому князю о Чудовском архимандрите (будущем архиепископе Геннадии)? Годится он для высокого поста? Я-то, во всяком случае, не гожусь. Слишком верю в заповедь Христову – «не судите, да не судимы будете». А он? Он, похоже, рвется быть судьей всему свету. Но, может быть, только такие и должны пасти непослушное стадо Христово?» [7. С. 235]. Архиепископ Геннадий становится символом того мировоззрения, которое начало господствовать в Новгороде и в конце концов привело его к падению. При таком толковании персонажей символичной становится и казнь отца Дениса по доносу архиепископа Геннадия: тем самым писатель подчеркивает окончательный переход города из одного состояния в другое и начало новой, уже несвободной эпохи для бывшего вольного города Новгорода.

Особое место в системе персонажей романа «Новгородский толмач» занимает Марфа Борецкая. Образ боярыни передан через точку зрения главного героя произведения, Стефана Златобрада. Марфа Борецкая производит на Стефана впечатление умной, смелой и гордой женщины, готовой бороться за независимость Новгорода. Кроме того, уже первое появление в тексте романа характеризует персонажа как активного и дальновидного политика, властную и образованную женщину, кругозор которой охватывает весь христианский мир.

В отличие от Балашова Ефимов, описывая Марфу Борецкую, не подчеркивает ее религиозные чувства. Для героини религия прежде всего является политическим инструментом. Высшей ценностью для Марфы Борецкой в интерпретации Ефимова являются свобода и независимость: «князь Иван заигрывает с Борецкими. Дмитрию пожаловал титул боярина московского. Он не понимает, что тот, кто с детства привык к воле, не может добровольно склонить шею под ярмо – даже под самое раззолоченное» [7. С. 61].

В образе Марфы писатель изображает человека, наделенного, по терминологии писателя, «боевым духом», то есть желанием и стремлением бороться за свою свободу, свои права, убеждения. Сама же боярыня, как и у Балашова, является воплощением вольного духа Новгорода, к тому времени уже почти утраченного самим городом.

Новгородская и Псковская республики в интерпретации Ефимова представляют собой не столько альтернативный вариант развития русского государства, сколько определенный период, характеризующийся подъемом «боевого духа» общества вследствие внутреннего ощущения и желания свободы у каждого отдельного человека. Согласно писателю, этот период является закономерным этапом развития для любого государственного образования, который со временем сменяется другим. Ефимову в романе «Новгородский толмач» наиболее интересен механизм и причинно-следственная обусловленность перехода от одного этапа к другому.

Главной ценностью, определившей особую роль Новгорода и Пскова в истории России, писатель считает свободную волю индивидуума. Согласно Ефимову, все самые масштабные социальные катаклизмы необходимо изучать, начиная с «микроклетки» – «психологических свойств человеческой души» [4. С. 11], что и делает писатель в романе «Новгородский толмач».

Независимо друг от друга, руководствуясь весьма различными ценностными и эстетическими предпочтениями, но стремясь быть честными перед собой и читателем, а потому свои выводы основывая на безусловных научных фактах, Балашов и Ефимов в своём восприятии Новгорода сошлись в понимании его особого исключительного положения в русской истории, в том, что именно Марфа Борецкая с наибольшей силой и убедительностью представила всё трагическое величие северной республики. И это несмотря на то, что взгляд Балашова основывается на реалистическом осмыслении прошлого Господина Великого Новгорода, опирается на историко-литературный подход к оценке прошлого вечевой республики, а Ефимов скорее идёт от философского, в ряде случаев тяготеющего к экзистенциальному отношения к истории и к человеку. Сходность столь разных писателей, как Бала-

шов и Ефимов, в оценках Новгорода помогает определить выделенные ими константы (Марфу Борещкую, интеллектуальную и духовную активность новгородцев, Софию и вечевой колокол) как важнейшие слагаемые «новгородского текста».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н.П. Были и миф Петербурга. Петроград: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1924. 88 с.
2. Анциферов Н.П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Были и миф Петербурга; Петербург Пушкина / Николай Павлович Анциферов; вступ. ст. Н. Дорохиной; примеч. А. Храмова. – М.: ЗАО Фирма «Бергтельманн Медиа Москау АО», 2014. 400 с.
3. Балашов Д.М. Господин Великий Новгород: Повесть. Марфа-посадница: Роман. М.: Современник, 1993. 636 с.
4. Ефимов И.М. Грядущий Аттила: прошлое, настоящее и будущее международного терроризма. СПб.: Азбука-классика, 2008. 368 с.
5. Ефимов И.М. Метаполитика: наш выбор и история. Л.: Лениздат, 1991. 224 с.
6. Ефимов И.М. Невеста императора. СПб.: Азбука-классика, 2008. 416 с.
7. Ефимов И.М. Новгородский толмач. СПб.: Азбука-классика, 2004. 320 с.
8. Ефимов И.М. Связь времен. Записки благодарного. В Новом свете. М.: Захаров, 2012. 480 с.
9. Ефимов И.М. Стыдная тайна неравенства. М.: Захаров, 2006. 192 с.
10. Коняев Н.М. Дмитрий Балашов. На плахе. М., 2008. 446 с.
11. Поль Д.В. Историческая романистика Д. М. Балашова: конфликты и характеры: Автореф. дисс. ... канд. филологич. наук. М., 1999. 28 с.
12. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. 350 с.
13. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. 209 с.
14. Скрынников Р.Г. Экономическое развитие новгородского поместья в конце 15–16 вв.: Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Л., 1958. 16 с.
15. Умнягин В.В. Образ Соловков в русской литературе XX в. (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 29 с.

Поступила в редакцию 18.07.2019

Поль Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук,
 профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков
 E-mail: pol-d-v@yandex.ru

Самарова Екатерина Андреевна, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков
 E-mail: argonnat@gmail.com

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
 119991 Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

D.V. Pol, E.A. Samarova

PROSE OF D.M. BALASHOV AND I.M. EFIMOV IN THE FORMATION OF THE NOVGOROD TEXT OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1044-1051

There is stable correlation between an artistic word and the place of its writing or the territory that the text glorifies. Ancient people called this correlation “Genius loci” (genius of place). This phenomenon is universal, most clearly manifested in developed civilizations. At the beginning of the 21st century, along with London, Paris, Rome, Vienna, Berlin, Madrid “texts” of World literature, we can speak about Moscow, St. Petersburg, manor, Novgorod, Solovetsky and many other “texts” of Russian literature. Historical novels have made a significant contribution to the creation of the Novgorod “text”. For example, prose of D. Balashov and I. Efimov largely designed the “space” of the Novgorod text in Russian literature of the last third of the 20th – early 21st centuries.

Keywords: D.M. Balashov, I.M. Yefimov, Novgorod theme, historical prose, Novgorod “text”.

REFERENCES

1. Anciferov N.P. Byli i mif Peterburga [Facts and myth of Petersburg]. Petrograd: Izdatel'stvo Brokgauz-Efron, 1924. 88 s.

2. Anciferov N.P. Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byli i mif Peterburga; Peterburg Pushkina [Soul of Petersburg, Dostoevsky's Petersburg, Facts and myth of Petersburg, Pushkin's Petersburg] / Nikolaj Pavlovich Anciferov; vstup. st. N. Dorohinoy; primech. A. Hramkova. M.: ZAO Firma «Bertsel'mann Media Moskau AO», 2014. 400 s.
3. Balashov D.M. Gospodin Velikij Novgorod: Povest'. Marfa-posadnica: Roman [Lord Novgorod the Great, Martha the City Governor]. M.: Sovremennik, 1993. 636 s.
4. Efimov I.M. Grjadushhij Attila: proshloe, nastojashhee i budushhee mezhdunarodnogo terrorizma [Coming Attila: the past, the present and the future of international terrorism]. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 368 s.
5. Efimov I.M. Metapolitika: nash vybor i istorija [Metapolitics: our choice and history]. L.: Lenizdat, 1991. 224 s.
6. Efimov I.M. Nevesta imperatora [Emperor's bride]. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 416 s.
7. Efimov I.M. Novgorodskij tolmach [Novgorod interpreter]. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 320 s.
8. Efimov I.M. Svjaz' vremen. Zapiski blagodarnogo. V Novom svete [Time connection. Grateful man's notes. In the New World]. M.: Zaharov, 2012. 480 s.
9. Efimov I.M. Stydnaja tajna neravenstva [Shameful mystery of inequality]. M.: Zaharov, 2006. 192 s.
10. Konjaev N.M. Dmitrij Balashov. Na plahe [Dmitrij Balashov. On the scaffold]. M., 2008. 446 s.
11. Pol' D.V. Istoricheskaja romanistika D.M. Balashova: konflikty i haraktery [Historical novels of D. Balashov: conflicts and characters]: Avtoref. dis. ... kand. filologich. nauk. M., 1999. 28 s.
12. Skrynnikov R.G. Oprichnyj terror [Oprichniks terror]. L., 1969. 350 s.
13. Skrynnikov R.G. Tragedija Novgoroda [Tragedy of Novgorod]. M., 1994. 209 s.
14. Skrynnikov R.G. Jekonomicheskoe razvitie novgorodskogo pomest'ja v konce 15–16 vv. [Economic development of the Novgorod estate at the end of the 15th and 16th centuries]: Avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. L., 1958. 16 s.
15. Umnjagin V.V. Obraz Solovkov v russkoj literature XX v. (na materiale vospominanij soloveckih uznikov i romanoj prozy 2000-h gg.) [The image of Solovki in Russian literature of the XX century. (based on the memoirs of Solovki prisoners and novel prose of the 2000)]: Avtoref. dis. ... kand. filologich. nauk. M.: IMLI RAN, 2018. 29 s.

Received 18.07.2019

Pol D.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI centuries

E-mail: pol-d-v@yandex.ru

Samarova E.A., postgraduate student of the Department of Russian Literature of XX–XXI centuries

E-mail: argonnat@gmail.com

Moscow State Pedagogical University

Malaya Pirogovskaya st., 1/1, Moscow, Russia, 119991